

Научная статья
УДК 811.521
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/82-89>

Синтаксис как объяснение интуитивизма в японском менталитете

Наталья Николаевна КУЗЬМЕНКО

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kuzmenko.nn@dvfu.ru

Андрей Павлович ЛОМАКИН

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, lomakinap@students.dvfu.ru

Аннотация. В данной работе проводится анализ японского синтаксиса на выявление связи между лингвистическими характеристиками языка и типом мышления японцев. Исследование фокусируется на трёх языковых аспектах, оказывающих влияние на менталитет: относительной свободе структуры, ориентации на ситуацию, неиндивидуализированности. Было установлено, что характерные особенности структуры японского языка отражают нелогические и интуитивные тенденции в японском мышлении.

Ключевые слова: гипотеза лингвистической относительности, японский синтаксис, интуитивизм, японский менталитет

Для цитирования: Кузьменко Н.Н., Ломакин А.П. Синтаксис как объяснение интуитивизма в японском менталитете // Известия Восточного института. 2024. № 1. С. 82–89. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/82-89>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/82-89>

Syntax as an explanation of intuitivism in the Japanese mindset

Natalia N. KUZMENKO

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kuzmenko.nn@dvfu.ru

Andrei P. LOMAKIN

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, lomakinap@students.dvfu.ru

Abstract. This study examines Japanese syntax to determine the connection between linguistic features of the language and the way in which Japanese people think. The research contributed to the understanding of three language features that affect the mindset: situation orientation, non-individualization, and relative flexibility of structure. It was discovered that the distinctive aspects of Japanese language structure reflect the culture's non-rational and intuitive inclinations.

Keywords: linguistic relativity, Japanese syntax, intuitivism, Japanese mindset

For citation: Kuzmenko N.N., Lomakin A.P. Syntax as an explanation of intuitivism in the Japanese mindset // Oriental Institute Journal. 2024. № 1. P. 82–89. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/82-89>

В синтаксисе любого языка, возможно, с наибольшей очевидностью отражаются особенности лексического, грамматического, эмоционального и психологического построения текста или речи. Эта особенность синтаксиса практически постоянно находится в фокусе внимания отечественных и зарубежных японоведов. Выявлению структурных особенностей построения японского предложения посвящено большое количество исследований. Одними из первых работ, посвященных синтаксису японского языка, следует назвать работы Н.И. Конрада [8], Пашковского [9, с.277-278; 10], А.А. Холодовича [11], И.В. Головнина [5], И.Ф. Вардуля [4] и других исследователей. Идея о существовании двух уровней синтаксиса, высказанная чешским ученым В. Матезиусом и сформулированная им в теории актуального членения предложения [6], была в дальнейшем развита И.Ф. Вардулем в теории двух уровней синтаксиса, названная ученым как синтаксис и супрасинтаксис [4], основное различие которых автор видит в том, что коммуникативные структуры содержат в себе цель, ради которой передается информация, выраженная номинативными структурами. Теоретическое осмысление этих идей находит дальнейшее отражение в ряде исследований ученых, работающих в самых различных областях научного знания – прежде всего в филологии, лингвистике, культу-

рологии, философии, психолингвистике и других смежных отраслях [1]. Так, И.И. Басс концентрирует внимание на проблеме порядка слов в предложении, указывая, что среди японских лингвистов нет единодушия в описании этой проблемы, в связи с чем они также считают эту проблему слабо изученной и требующей дальнейшего изучения [2]. А. С. Комкова в статье "Средства выражения экспрессивности в японском синтаксисе: к постановке проблемы" подробно разбирает некоторые особенности построения экспрессивных предложений в японском синтаксисе, обращая внимание на тот факт, что японцы в основном используют достаточно простые грамматические конструкции для изложения мыслей и в то же время крайне сложные для выражения чувств, эмоций и отношения к собеседнику или предмету речи [7]. В монографии А.А. Шнырко "Вопросы грамматической семантики японского языка. Синтаксис отрицания" на основе изучения взглядов отечественных и зарубежных исследователей дается характеристика категории отрицания в японском языке и ее синтаксический аспект. Особое внимание автор уделяет проблеме границ отрицания, вводя специальное понятие "отрицательной синтагмы" [12, с.70-77]. Привести все исследования, посвященные синтаксису японского языка, не представляется возможности. Тем более что это не входит в задачу нашего исследования. Цель данного исследования заключается в проведении анализа японского синтаксиса на выявление связи между лингвистическими характеристиками языка и типом мышления японцев. Эта проблема не нашла, как нам кажется, всестороннего освещения в отечественной лингвистической науке. Тем не менее некоторые особенности мышления японцев – нелогические и интуитивные тенденции поведенческих характеристик межличностного общения – находят яркое отражение именно в синтаксисе предложения.

"Мир – это мой мир. Границы моего языка означают границы моего мира – это проявляется в том, что границы моего языка, языка, который понимаю только я, есть границы моего мира, мира, который воспринимаю и в котором живу я" [19, с. 68], – заявлял Людвиг Витгенштейн, австрийско-британский философ, в своём логико-философском трактате, предполагая, что восприятие мира зависит от языка. Представление о том, что язык влияет на мышление было в дальнейшем популяризировано с помощью гипотезы лингвистической относительности, или гипотезы Сепира-Уорфа, названной в честь основных идейных лидеров. Гипотеза делала предположение о том, что особенности мышления человека определяются языком, на котором он говорит. На протяжении всего времени существования гипотезы многие её аспекты подвергались критике: Стивен Пинкер, канадско-американский учёный в области психолингвистики, в своём труде "Язык как инстинкт" разбирает первоначальные тезисы Бенджамина Ли Уорфа и развенчивает их, объясняя их несовершенство, концентрируясь на неопытности и отсутствии точных оснований в идеях автора [15, с. 59–63].

Обе стороны фокусировались преимущественно на лексических единицах, а точнее на их наличии или отсутствии, которые должны были объяснять определённые паттерны в мышлении народов. Способен ли человек думать о вещах, для которых у него нет слов, или же у него нет этих слов, поскольку он о них не думает? Проживание опытов универсально, а наличие лексических единиц способно лишь на их подконтрольное осознание, поскольку эти опыты человек может прожить и подсознательно, однако сама идея подобного, даже с отсутствием необходимых для этого слов, может подвести человека к определённым умозаключениям и помочь ему испытать тот же самый спектр эмоций и чувств. Поэтому идея основной гипотезы о том, что каждый аспект языка имеет влияние на мышление, не является уместной. На что ещё стоит обратить внимание, так это на двунаправленность процессов восприятия и мышления – моральные нормы, чувственные практики и когнитивные процессы возникают не только благодаря одному языку, так как язык в большинстве случаев выступает лишь в роли посредника; многие задатки мышления формируются культурными, географическими, религиозными и другими особенностями, которые в нужных обстоятельствах могут переходить и в язык посредством формирования новых лексических единиц, семантически

передающих эти настроения. Поэтому можно сделать вывод, что критика больше обосновывается тем, что идеи лингвистической относительности возводятся в абсолют, превращая её в лингвистический детерминизм, то есть язык полностью определяет все когнитивные процессы в системе мышления человека. Несмотря на шквал критики, утверждения идейных представителей могут найти отклик за счёт мягкой интерпретации теории, уместность которой подтверждается отдельными научными работами за авторством Д. Луны [14], Т. Ведеруса, В. Мариан, М. Каушанской и других [18, с. 3–4], показывающими явные личностные изменения при использовании разных языков у билингвов.

Таким образом, гипотеза данной работы о том, что структура языка может иметь влияние на мышление человека, также уместна в условиях мягкой интерпретации гипотезы, поскольку свидетельствует, что не только язык, но и другие экстралингвистические факторы, могут играть роль в организации типа мышления человека. Наличие или отсутствие лексических единиц хоть и могут объяснять черты мышления людей, не являются их движущей силой, а только отражают изменения и установки, выработанные на уровне культуры. Более детального анализа заслуживает другой аспект языка – его структура, выражающаяся через синтаксис. Наблюдение за структурой языка позволяет изучить уже непосредственное влияние самого языка на тип мышления, вследствие чего станет возможным выделение основных мыслительных паттернов у японского народа, информация о которых будет полезной в области когнитивных наук, социолингвистики и теории коммуникации.

Имеющиеся на данный момент работы, затрагивающие тип мышления японцев, в основном концентрируются на культурных и исторических факторах, имевших влияние на развитие менталитета японцев, без глубокого анализа самого языка и его частей, отражающих взгляды народа. Данная работа фокусируется на том, как сам язык может влиять на мышление человека, используя в качестве опоры исследования, подтверждающие определённую степень верности теории лингвистической относительности. Исследование структуры языка может раскрыть глубинные ценности и особенности японского народа через анализ прежде всего его структуры и синтаксических аспектов, помогая понять, как японцы выражают своё отношение к миру и к другим людям через язык и на какие вещи они обращают особое внимание. Синтаксис, в отличие от других частей языка, в частности лексических единиц, был слабо проанализирован в условиях его влияния на представление японских ценностей и идей. Поэтому разбор данной области может быть востребован для заполнения пробела в лингвистических исследованиях, затрагивающих психологические сферы. Японское предложение характеризуется относительной свободой структуры, неиндивидуализированным аспектом и ориентацией на ситуацию – эти три характеристики показывают связь между японским языком и интуитивной, нерациональной природой мышления. За исключением очень жесткого ограничения, согласно которому сказуемое должно стоять в конце предложения, японский язык имеет относительно свободное расположение слов [1, с. 74–101]. Кроме того, в японском языке часто опускаются подлежащие, особенно те, что означают первое, второе и третье лица [20, с. 738]. В результате переводчикам очень трудно переводить речь с японского языка. Одним из результатов ограничения глагольного окончания в японском языке является то, что, когда человек пишет длинное предложение, сказуемое идёт далеко позади подлежащего, которое часто появляется в начале. Более того, множество небольших клауз затрудняет понимание основной идеи любого разговора. Это можно расценивать как слабость японцев, так и сильную сторону японского языка, поскольку оно помогает обеспечить свободный порядок слов в предложении.

Свобода порядка слов в японском языке во многом обусловлена использованием частиц. Частицы следуют за подлежащим и дополнением. Помимо частиц *が* и *は*, которые обозначают подлежащее предложения, частицы *を* и *に* используются для выделения прямых и косвенных дополнений. Использование этих частиц позволяет японскому языку изменять порядок слов в предложении, поскольку, когда

частица сочетается со словом, относительное положение обоих элементов может быть изменено в предложении. Свобода перемещения частей речи позволяет таким образом подчёркивать различные смысловые аспекты предложения. Кроме того, в японских предложениях основной порядок слов определяется в зависимости от того, какое внимание придается их значениям. Например, сначала идёт упоминание самой важной идеи или вещи, о которой идёт речь в предложении, затем следующей по важности и т.д. Таким образом, поскольку смысловые грамматические единицы можно переставлять с большой свободой, смысл предложения в целом может быть изменён путём перестановки единиц на разные места в предложении. Все вышеизложенные идеи указывают на первую главную особенность японского языка, представляющую интерес: относительную свободу структуры предложения. Кроме того, эллипсис – один из важных аспектов синтаксической структуры любого языка, и это явление очень часто встречается в японском языке, проявляясь в нём не уникальным образом. Например, в разговоре некоторые вещи могут считаться само собой разумеющимися. Людям не нужно говорить о тех вещах, которые уже известны обоим собеседникам. Всё, на что им нужно указывать, – это те вещи или идеи, которые не известны обоим собеседникам. Когда так поступают, на структуру предложения не обращают особого внимания. Говорящие делают больший акцент на смысле, чем на грамматической структуре предложения, которая его и передаёт. Поэтому эллипсис в японском языке в основном связан с контекстом или смыслом, а не с грамматической формой. Это указывает на то, что японский язык не индивидуализирован. То есть, в предложении часто отсутствует явное указание на то, к кому обращаются, и тем не менее передаваемый смысл остаётся понятен.

Ещё одно правило структуры японского предложения заключается в том, что предложение сначала устанавливает сцену происходящего, а затем позволяет исполнителю действовать. Следующий перевод демонстрирует типичный элемент установления сцены, который присутствует в структуре японских предложений [21].

Свет заполняет сад, маленькие, как руки младенца, листья клёна, незаметно растущие горечавки, издавна произрастающие в этих местах плауны – когда я вижу разнообразие горной жизни, моё сердце замирает каждый раз. (庭園一带に光が満ち、赤ちゃんの手のように小さなカエデの葉や、ささやかに咲くリンドウ、古くからこの地に自生するヒカゲノカズラなど、多様な山のいのちを見つけるたびに、心がふるえまします。)

То есть предложение, в котором речь идёт о действиях людей или природных явлениях, обычно начинается с описания обстановки и заканчивается глаголом. В пространстве до сказуемого есть возможность подчеркнуть различные аспекты деятельности путём перестановки внутренних элементов предложения. Японские предложения обычно фокусируют мысли читателя на непосредственных, конкретных деталях жизни [17, с. 30–31]. Некоторые из приведённых выше предложений о свободе внутреннего порядка слов помогают сделать японский языкком с ситуативной направленностью. Это возможно потому, что свобода порядка слов позволяет сосредоточиться на различных аспектах ситуации в зависимости от цели говорящего или пишущего.

В отношении ситуативного аспекта японского языка также можно сделать некоторые выводы, которые связывают его с интуитивным аспектом японской мысли. Первое, что следует отметить, это то, что дзэн-буддизм, который первоначально пришёл из Китая, прочно укрепился в Японии. Одной из причин популярности этого вида буддизма в Японии может быть его положительное отношение к естеству, а не к интеллектуализации жизни. Кроме того, дзэн-буддизм высоко ценит природные объекты и конкретную ситуацию, находящиеся непосредственно перед человеком [13, с. 94]. Данные характеристики более детально отображаются на примере избранных предложений из эссе за авторством Айхары Нао [22].

П – подлежащее;

С – сказуемое;

Д – дополнение;

КД – косвенное дополнение;

ПД – прямое дополнение.

(Д)「直ちゃん、何しとるんね。けがはないん。」(П)お兄ちゃんが、いろいろ
(С)言ってくれるが、(М)ぼくは(С)何もできなかった。

(КД)お兄ちゃんに(С)言われ、(М)ぼくは(С)はなれて座って待っていた。

(М)お兄ちゃんは、(КД)紙袋に(ПД)われたものを(С)入れてもう一度(ПД)それを
(КД)ビニール袋に(С)入れた。

(М)お兄ちゃんは、(Д)「後で、わっちゃったこと、お母さんに一緒にあやまろうね。」(С)と言った。

(М)お兄ちゃんが(ПД)事情を(С)説明してくれた。

また、(М)お母さんは、(КД)お兄ちゃんに、(Д)「ありがとう。」(С)と言っていた。

В указанных 24 японских предложениях присутствуют 14 различных порядков частей речи. На примере эссе мы можем увидеть первую характеристику японского языка – его относительную свободу структуры. Из-за этой относительной свободы японский язык кажется менее систематичным в своей структуре. Поскольку правила более гибкие, смысл фраз и предложений может варьироваться в зависимости от того, какой аспект хочет подчеркнуть говорящий. Тот факт, что в структуре японского языка присутствует такой объём гибкости, приводит к тому, что японские мыслительные паттерны менее подвержены грамматической структуризации. Это связано со второй характеристикой японского языка – ориентацией на ситуацию. Благодаря относительной свободе структуры японского языка японцы могут иметь несколько большую широту, неограниченность в своём восприятии действительности. Их мировоззрение не так структурировано грамматикой и логикой, и поэтому они могут наблюдать за конкретными объектами и событиями менее строго. Это позволяет интуиции играть большую роль в их восприятии мира. Поэтому они способны более открыто и эмоционально реагировать на мир, который они воспринимают.

Третьей основной характеристикой является неиндивидуализированный аспект языка. Как было уже сказано, это проявляется в том, что в японском языке часто опускается подлежащее. В анализе японского эссе такие пропуски мы находим в семи предложениях. Такое опущение подлежащего или лица, о котором идёт речь, также связано с нелогичным характером мышления и поведенческих характеристик японцев. В этом случае, даже если подлежащее опущено, легко предположить, о ком или о чём идёт речь. Но нельзя отрицать, что иногда, когда ситуация не совсем ясна, опущение подлежащего делает предложение двусмысленным и вызывает непонимание. Ситуативный аспект японского языка также связан с его неиндивидуализированным аспектом. Это объясняется тем, что для того, чтобы человек мог сосредоточиться на реальности конкретных вещей, а не на их концепциях, ему также необходимо не фокусироваться на своём отношении к вещи. Напротив, концентрация на конкретных вещах позволит объекту или событию проявить себя. Фактически это может представляться существенной особенностью интуитивного мышления, позволяющего воспринимаемому объекту проявиться с минимальным вмешательством концепций и "я", насколько это возможно. Ситуативные и неиндивидуализированные аспекты японского языка, похоже, отражают этот интуитивный подход.

Ситуативная направленность японского языка связана, прежде всего, со значительной свободой порядка слов, частым употреблением эллипсиса как важнейшего аспекта японского языка, с самим порядком выбора слов. Кроме того, было установлено, что аспекты, проявляющиеся на каждом уровне, связаны с интуитивной природой японского мышления. А характерные особенности структуры японского языка на уровне предложения соответствуют особенностям на уровне речи, и оба эти аспекта отражают нелогические, интуитивные тенденции в японском мышлении.

В свете полученных результатов, приведённых выше, мы сделали следующие основные выводы:

Во-первых, японский народ выражает меньшую заинтересованность по отношению к идентификации источника информации или исполнителя определенного действия. Это может быть связано с японской концепцией о естественности действий людей, где роль самого исполнителя считается менее значимой, чем в некоторых других культурах [16, с. 131].

Во-вторых, такое отношение можно объяснить тем, что японцы стремятся выйти за рамки формальной грамматики японского языка и использовать своего рода "грамматику" природы. Философски говоря, они рассматривают себя как часть природы [3, с. 76], и поэтому в языке они часто используют свою интуицию и подходят к коммуникации с учетом природных принципов.

Эти наблюдения подчеркивают особенности японской культуры и ее влияние на языковую практику. Понимание этих особенностей может помочь иностранным обучающимся лучше воспринимать и адаптироваться к японскому общению, а также способствовать глубокому взаимопониманию между разными культурами.

Литература

1. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлеская В.И. Теоретическая грамматика японского языка: в 2 кн. Кн. 2. М.: Наталис, 2008. 560 с.
2. Басс И.И. Порядок слов в японском предложении // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 9. Язык и литература. 2007. № 2-II. С. 93–101.
3. Варакина М.И. Идея единства природы и человека в даосизме // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2009. № 4. С. 75–80.
4. Вардуть И. Ф. Очерки потенциального синтаксиса японского языка. М.: Наука, 1964. 149 с.
5. Головин И.В. Введение в синтаксис современного японского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 376 с.
6. Кириллова А.Е. Проблема передачи актуального синтаксиса в практике перевода художественных текстов с японского языка // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2015. № 1. С. 98–115.
7. Комкова А.С. Средства выражения экспрессивности в японском языке: к постановке проблемы // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2018. №1 (3). С. 61–68.
8. Конрад Н.И. Синтаксис японского национального литературного языка [Текст] // Н. И. Конрад; Ин-т востоковедения Акад. наук СССР. М.: Изд-ское т-во иностр. рабочих в СССР, 1937 (тип. "Искра революции"). 375 с.
9. Пашковский А.А. Порядок членов предложения в современном японском языке // Китай. Япония: История и филология. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. С. 277–278.
10. Пашковский А.А. Слово в японском языке. М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1980. 208 с.
11. Холодович А.А. Синтаксис японского военного языка (язык военной документации). М.: Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР, 1937. 247 с.
12. Шнырко А.А. Вопросы грамматической семантики японского языка. Синтаксис отрицания. Владивосток: Дальнаука, 2007. 253 с.
13. Fromm E. Zen Buddhism and Psychoanalysis // E. Fromm, D.T. Suzuki, R. De Martino. HarperCollins, 1970. 180 p.
14. Mihaila M. Does language shape your personality? The Boar (сайт). URL: <https://theboar.org/2019/01/language-personality/> (дата обращения: 24.02.2023)
15. Pinker S. The Language Instinct. Harper Perennial Modern Classics, 2007. 576 p.
16. Senda M. Japan's traditional view of nature and interpretation of landscape // GeoJournal. 1992. № 26. P. 129–134.
17. Suzuki T. Words in context A Japanese perspective on language and culture. Kodansha USA, 2001. 178 p.
18. Wederus T. Changing language, changing personality: Swedish bilinguals on the effects of speaking English // Umea Universitet, 2017. 18 p.
19. Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. Routledge, 2001. 142 p.
20. Yonezawa Y. The role of the overt expression of first- and second-person subject in Japanese // Journal of Pragmatics. 2008. №40. P. 733–767.

21. 大橋知沙. 京の奥山、紅葉とコケと山野草 とっておきの庭「白龍園」= Охаси Тиса. Киотская глубь, осенние листья, мох и цветы – Сад белого дракона // 朝日新聞デジタルマガジン = Цифровой журнал "Асахи Синбун" (сайт) URL: <https://www.asahi.com/and/article/20221116/423323109/> (дата обращения: 10.07.2023)

22. 2019年 第13回入賞作品 | 「いつもありがとう」作文コンクール = 2019 13-й конкурс сочинений "Спасибо за всё" // Конкурс сочинений "Спасибо за всё" (сайт) URL: <https://sinanengroup.co.jp/sakubun/prize/13.html> (дата обращения: 10.07.2023).

References

1. Alpatov V.M., Arkadiev P.M., Podleskaya V.I. Theoretical grammar of the Japanese language: in 2 books, Book 2. M.: Natalis, 2008. 560 p. (In Russ.).
2. Bass I.I. Word order in Japanese sentence // Bulletin of St. Petersburg State University. Series. 9. Language and literature. 2007. № 2-II. P. 93–101. (In Russ.).
3. Varakina M.I. Idea of the unity of nature and man in Taoism // Scientific Notes of the Zabaikalsky State University. Series: Philosophy, sociology, cultural studies, social work. 2009. P. 75–80. (In Russ.).
4. Vardul I. F. Drafts of potential syntax of the Japanese language. M.: Nauka, 1964. 149 p. (In Russ.).
5. Golovnin I.V. Introduction to the syntax of the modern Japanese language. M.: Moscow University Publishing House, 1979. 376 p. (In Russ.).
6. Kirillova A.E. Problem of transfer of actual syntax in the practice of translation of literary texts from Japanese // Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Literary Studies. Linguistics. Culturology. 2015. № 1. P. 98–115. (In Russ.).
7. Komkova A.S. Ways of expressiveness in the Japanese language: to the problem // Bulletin of the Siberian State Transport University: Humanitarian Research. 2018. №1 (3). P. 61–68. (In Russ.).
8. Konrad N.I. Syntax of the Japanese national literary language [Text] // N.I. Konrad; Institute of Oriental Studies, Acad. of Sciences of the USSR. M.: Publishing work of foreign workers in the USSR, 1937 ("Iskra revolutsii"). 375 p. (In Russ.).
9. Pashkovsky A.A. The order of parts of sentence in the modern Japanese language // China. Japan: History and Philology. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1961. P. 277–278. (In Russ.).
10. Pashkovsky A.A. Word in the Japanese Language. M.: Main Editorial Office of Oriental Literature Publishing House "Nauka", 1980. 208 p. (In Russ.).
11. Kholodovich A.A. Syntax of the Japanese military language (language of military documentation). M.: Publishing work of foreign workers in the USSR, 1937. 247 p. (In Russ.).
12. Shnyrko A.A. Issues of grammatical semantics of the Japanese language. Syntax of negation. Vladivostok: Dalnauka, 2007. 253 p. (In Russ.).
13. Fromm E. Zen Buddhism and Psychoanalysis // E. Fromm, D.T. Suzuki, R. De Martino. HarperCollins, 1970. 180 p.
14. Mihaila M. Does language shape your personality? The Boar (site). URL: <https://theboar.org/2019/01/language-personality/> (accessed 24.02.2023).
15. Pinker S. The Language Instinct. Harper Perennial Modern Classics, 2007. 576 p.
16. Senda M. Japan's traditional view of nature and interpretation of landscape // GeoJournal. 1992. № 26. P. 129–134.
17. Suzuki T. Words in context A Japanese perspective on language and culture. Kodansha USA, 2001. 178 p.
18. Wederus T. Changing language, changing personality: Swedish bilinguals on the effects of speaking English // Umea Universitet, 2017. 18 p.
19. Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. Routledge, 2001. 142 p.
20. Yonezawa Y. The role of the overt expression of first- and second-person subject in Japanese // Journal of Pragmatics. 2008. № 40. P. 733–767.
21. 大橋知沙. 京の奥山、紅葉とコケと山野草 とっておきの庭「白龍園」= Ohashi Chisa. Kyoto's Heart, Autumn Leaves, Moss and Flowers – White Dragon Garden // 朝日新聞デジタルマガジン = Asahi Shinbun Digital Journal (site) URL: <https://www.asahi.com/and/article/20221116/423323109/> (accessed 10.07.2023) (In Jap.).
22. 2019年 第13回入賞作品 | 「いつもありがとう」作文コンクール = 2019 13th Thank You for Everything Essay Contest // Thank You for Everything Essay Contest (site) URL: <https://sinanengroup.co.jp/sakubun/prize/13.html> (accessed 10.07.2023). (In Jap.).

Наталья Николаевна КУЗЬМЕНКО, канд. ист. наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: kuzmenko.nn@dvfu.ru

Андрей Павлович ЛОМАКИН, студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: lomakinap@students.dvfu.ru

Natalia N. KUZMENKO, Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kuzmenko.nn@dvfu.ru

Andrei P. LOMAKIN, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: lomakinap@students.dvfu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 26.08.2023

Одобрена после рецензирования

(Approved) 17.02.2024

Принята к публикации

(Accepted) 07.03.2024